

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИМЕНИ АРИСТОТЕЛЬ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Е. И. СПЕШИЛОВА
Томский государственный университет
e.speshilova@yandex.ru

ELIZAVETA SPESHILOVA
Tomsk State University, e.speshilova@yandex.ru

INTERPRETATION OF THE NAME OF ARISTOTLE IN ANALYTICAL PHILOSOPHY

ABSTRACT. The article discusses the problem of reference of proper names on the example of name *Aristotle*. I analyze the controversy between the theory of descriptions and the theory of direct reference and note that the theory of descriptions faces some difficulties, while the historical explanation theory (as a variant of the theory of direct reference) proposed by K. Donnellan successfully solves the problem.

KEYWORDS: proper name, Aristotle, analytic philosophy, the theory of descriptions, the theory of direct reference.

* Статья написана в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы «Научный фонд Томского государственного университета им. Д. И. Менделеева» в 2016 г.

Одним из ключевых вопросов аналитической философии до сих пор является вопрос о референции имён собственных, а именно о том, каким образом, используя определённое имя, мы производим референцию к некоторому объекту. Существуют два альтернативных варианта решения этого вопроса: теория дескрипций (дескриптивная теория) и теория прямой референции. Во взаимной полемике сторонники обоих подходов зачастую используют имена античных философов, самым популярным из которых является имя *Аристотель*. Так Аристотель оказывается не только первым

авторитетом аналитической философии и отцом её «канона», но и персонажем самого аналитического дискурса.

Если конкретизировать вопрос о референции имён собственных применительно к имени *Аристотель*, то придётся выяснить, каким именно образом мы посредством данного имени называем («имеем в виду») этого столь давно умершего человека. Само имя – лишь часть языка, выраженная как форма (графически) и/или звук (фонетически). Невозможно в результате исследования написания или произнесения имени определить идентичность конкретного человека, к которому это имя относится (McGinn 2015, 36). Более того, многих (и чрезвычайно разных) людей зовут *Аристотель*: какие-то из них более известны, иные менее.¹ Для нас ясно, к примеру, что в одном контексте это имя обозначает философа, тогда как в другом – греческого судовладельца и миллиардера (Fitch 1993, 464). Каким образом названные выше теории могут прояснить этот вопрос?

Дескриптивная теория имён, представленная в работах Г. Фреге и Б. Рассела, опирается на положение о том, что референция имени собственного определяется дескриптивным содержанием, связываемым с этим именем. При этом, такая дескрипция должна быть уникальной, иначе говоря, содержащей свойство (или комплекс свойств), которым обладает один и только один объект; благодаря этому имя всегда указывает на единственного, конкретного человека. Отталкиваясь от этой базовой идеи, Готлоб Фреге предлагает связывать с каждым знаком (в том числе именем) значение знака (референт) и смысл знака, или то, в чём выражается конкретный способ определения референта (Фреге 2000, 231). Так, например, он пишет:

В случае подлинно собственных имён, таких, как «Аристотель», мнения о смысле могут, конечно, разойтись. Например, можно было бы в качестве такового принять: «ученик Платона и учитель Александра». Кто поступит так, тот свяжет с предложением «Аристотель был родом из Стагиры» иной смысл, чем тот, кто в качестве смысла этого имени принял бы: «происходящий из Стагиры учитель Александра Великого» (Фреге 2000, 231).

Имя *Аристотель*, согласно Фреге, является подлинным именем, значение которого задаётся смыслом, связываемым с ним. Несмотря на то, что мы можем расходиться во мнении относительно смысла имени (относительно той дескриптивной информации, которую мы с этим именем связываем), в *естественном* языке такие расхождения не являются критическими, пока значение имени остаётся одним и тем же (то есть пока мы ведём

¹ Например, согласно Диогену Лаэртию, «всего было восемь Аристотелей» (5.1.35).

речь об одном и том же человеке), хотя, признаёт Фреге, в *совершенном* языке это различие должно быть устранено.

При таком подходе имя по сути не является референтным, так как его референт задаётся не напрямую, а с помощью смысла – через описание некоторых характеристик («ученик Платона и учитель Александра» либо «происходящий из Стагиры учитель Александра Великого»), которые позволяют из множества объектов реального мира выбрать именно тот объект, что подходит под приведённое описание. Иными словами, референт имени определяется той дескриптивной информацией, которую мы с этим именем связываем. Не исключает Фреге и такой вариант, когда у некоторого имени окажется нулевой референт, поскольку его смысл задаёт такую дескрипцию, которой не соответствует какой-либо реальный объект.

Эту идею о дескриптивном содержании имён собственных развивает Бертран Рассел. Однако, с его точки зрения, довольно рискованно утверждать, что «*Сократ, Платон и Аристотель* – имена» (Рассел 1982, 50). Он предлагает различать имена и дескрипции: имя «представляет собой простой (полный) символ, имеющий значение (соотнесённый с денотатом) сам по себе и предназначенный для выполнения функции субъекта суждения», «дескрипция же является неполным символом, приобретающим значение (отнесённость к денотату) только в составе предложения», и предназначается «для выполнения роли предиката (пропозициональной функции)» в нём (Арутюнова 1982, 8).

Стоит отметить, что позиция Рассела в отношении имён собственных является неоднозначной. На первый взгляд, решая вопрос о взаимозаменяемости выражений «Скотт» и «автор *Уэверли*», Рассел проводит различие между этими выражениями именно как различие между именем «Скотт», которое непосредственно указывает на своё значение (референт), и сингулярной обозначающей фразой «автор *Уэверли*», в которых значение задаётся косвенно, через дескриптивное содержание этой фразы. Однако имена вымышленных и мифических персонажей Рассел предлагает трактовать уже как сокращённые дескрипции, а не как имена:

Теперь можно удовлетворительно иметь дело со всей областью не-сущего, типа «круглый квадрат», «первое чётное число, отличное от 2», «Аполлон», «Гамлет» и т. п. Все они суть обозначающие фразы, не обозначающие ничего. Пропозиция об Аполлоне подразумевает то, что мы получаем подстановкой того, что, как говорят классические словари, подразумевается под Аполлоном, скажем «Бог-Солнце» (Рассел 2002, 20).

В дальнейшем Рассел распространяет этот подход и на имена реальных индивидов, заключая, что не только имена вымышленных героев, но и име-

на реальных людей, которые существовали, являются скрытыми дескрипциями:

...в любом знании, выраженном словами – исключая такие слова, как *этот*, *тот* и некоторые другие, значение которых меняется в зависимости от ситуации, – не могут фигурировать никакие имена в строгом смысле этого термина, и то, что кажется именем, на самом деле является дескрипцией (Расселл 1982, 52).

В итоге, он полагает, что логически собственное имя может функционировать только как обозначение того, с чем/кем говорящий знаком (в прямом эмпирическом смысле); нельзя логически поименовать того, кого ты знаешь лишь по описанию. Следовательно, такое имя, как *Аристотель*, также будет являться скрытой дескрипцией, а значит, референция этого имени (к философу или к миллиардеру) будет зависеть от того, какую дескрипцию мы с ним связываем.

Альтернативный подход к интерпретации имён собственных представлен в теории прямой референции, которая восходит к идеям Дж. Ст. Милля. С точки зрения последнего, собственные имена «указывают на означаемые ими предметы, но не дают, не заключают в себе никаких признаков, которые принадлежали бы этим отдельным предметам» (Милль 2011, 81). Безусловно, утверждает Милль, могут быть причины, по которым даётся то или иное имя, однако в дальнейшем имя функционирует независимо от его содержания: «собственные имена связаны с самими предметами и не зависят от непрерывности существования того для другого признака предмета» (Милль 2011, 82). Таким образом, имя *Аристотель* является просто ярлыком объекта, прямым указателем на конкретного человека вне зависимости от того, какие дескрипции мы с ним ассоциируем.

Сравнивая теорию дескриптивизма и теорию прямой референции, Джон Сёрл отмечает, что, согласно первой из них, имена имеют смысл «существенным образом», а референцией обладают только условно; иначе говоря, имена являются референтными лишь при условии, что один и только один объект удовлетворяет их смыслу (Searle 1958, 169); согласно второй теории, имена «по существу» имеют референцию, а не смысл: «proper names denote but do not connote» (Searle 1958, 169). Позиция самого Сёрла является промежуточной: в ней сочетаются и элементы дескриптивизма, и идеи теории прямой референции. Дескриптивная теория имён собственных в том виде, в каком она представлена у Фреге и Рассела, не устраивает Сёрла; это подтверждает следующий мысленный эксперимент:

Suppose, for example, that we teach the name “Aristotle” by explaining that it refers to a Greek philosopher born in Stagira, and suppose that our student continues to use the name correctly, that he gathers more information about Aristotle, and so on. Let

us suppose it is discovered later on that Aristotle was not born in Stagira at all, but in Thebes. We will not now say that the meaning of the name has changed, or that Aristotle did not really exist at all. In short, explaining the use of a name by citing characteristics of the object is not giving the rules for the name, for the rules contain no descriptive content at all. They simply correlate the name to the object independently of any descriptions of it (Searle 1958, 168).

Данный пример показывает, что имя не является сокращённой дескрипцией, поскольку дескриптивное содержание может измениться, однако ни имя, ни его смысл, ни референция при этом не поменяются. По сути, имя функционирует как ярлык, а референция имени не определяется тем, обладает ли объект свойствами, которые мы с ним связываем, или нет (даже если эти свойства заявлены в самом содержании имени). Собственное имя, согласно Сёрлу, не используется как описание признаков объекта, к которому оно относится; оно *нестрогим* образом ассоциируется с его характеристиками. Имена – это «крючки» (или «колышки»), на которые навешиваются дескрипции: «They function not as descriptions, but as pegs on which to hang descriptions» (Searle 1958, 172). Мы можем связывать с именем собственным комплекс разнообразных дескрипций, при этом само имя не будет тождественно данному комплексу, однако именно за счёт связанного комплекса будет происходить *идентификация* референта имени.

На мой взгляд, следует согласиться с К. Доннеланом в том, что подход Дж. Сёрла, хоть и отличается от строго дескриптивной теории Фреге-Рассела, по сути остаётся в рамках той же парадигмы:

It allows for (what surely we should allow for) the possibility, for example, of discovering that Aristotle was not the teacher of Alexander the Great without having to deny Aristotle's existence, which would be impossible on Russell's view if that description was part of the associated description for our use of "Aristotle" (Donnellan 1970, 337).

Сёрл так же связывает идентификацию объекта с дескриптивным характером имени, только речь идёт не о единичной дескрипции, а о комплексе взаимосвязанных дескрипций.

К. Доннелан, в свою очередь, развивая теорию прямой референции, предлагает подход, основывающийся исключительно на референтной функции имён. Он выдвигает теорию исторического истолкования имён собственных, которая отрицает, что имена собственные всегда имеют дескриптивное содержание и что они являются скрытыми дескрипциями, как трактовал их Рассел (Donnellan 1974, 13). Основная идея его теории состоит в том, что:

When a speaker uses a name intending to refer to an individual and predicate something of it, successful reference will occur when there is an individual that enters into

the historically correct explanation of who it is that the speaker intended to predicate something of (Donnellan 1974, 16).

Именно за счёт исторически корректного истолкования того, о ком говорит спикер, устанавливается референт имени, которым является названный индивидуум.

В отличие от дескриптивизма, историческая теория объяснения показывает, что даже если дескрипции говорящего очень точно описывают определённого человека, этот человек не будет являться референтом имени, если между человеком и тем именем, которое использовал говорящий, отсутствует историческая связь. И напротив, даже если дескрипции говорящего не описывают корректным образом этого человека, он может являться референтом использованного имени при наличии определённой исторической связи (Donnellan 1974, 18). Иначе говоря, референция имени, согласно теории прямой референции, зависит от исторической (или каузальной) связи между говорящим, который произносит имя, и объектом, к которому это имя отсылает. Вместе с тем, теория прямой референции в предложенном Доннеланом варианте успешно объясняет различие между греческим философом Аристотелем и греческим судовладельцем Аристотелем Онассисом:

Certain uses of the name “Aristotle” in predicative statements will have similar histories, histories that will distinguish them from other uses of the name. Each use of the name will, of course, have its own historical explanation, but these may, at a certain point, join up. So, in tracing back several uses of the name “Aristotle” by me and several uses by you, we may find a common root in certain ancient writings and documents, while other uses of the name by me or by you may have nothing in common with the history of the first set of uses (Donnellan 1974, 26).

Таким образом, теории прямой референции удаётся успешно решить поставленный выше вопрос и при этом избежать тех проблем и парадоксов, которые возникают при интерпретации имён собственных в рамках дескриптивной теории. Как видим, Аристотель, не создав собственной теории референции имён собственных, в наше время оказался косвенным образом в центре полемики на данную тему, приобретя тем самым ещё одно – возможно, неожиданное – измерение своей актуальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арутюнова, Н. Д. (1982) «Лингвистические проблемы референции», *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции)*. Москва, 5–40.

- Гаспаров, М. Л., пер. (1986) Диоген Лаэртский. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Москва.
- Милль, Дж. Ст. (2011) *Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования*, пер. В. К. Финна. Москва.
- Рассел, Б. (1982) «Дескрипции», пер. Н. Д. Арутюновой, *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции)*. Москва, 41–54.
- Рассел, Б. (2002) «Об обозначении», пер. В. А. Суровцева, *Язык, истина, существование*. Томск, 7–22.
- Фреге, Г. (2000) «О смысле и значении», Г. Фреге. *Логика и логическая семантика*. Москва, 230–246.
- Donnellan, K. S. (1970) "Proper names and identifying descriptions," *Synthese* 21, 335–358.
- Donnellan, K. S. (1974) "Speaking of Nothing," *The Philosophical Review* 83.1, 3–31.
- Fitch, G. W. (1993) "Non denoting," *Philosophical Perspectives* 7, 461–486.
- McGinn, C. (2015) *Philosophy of Language: the Classics Explained*. The MIT Press.
- Searle, J. R. (1958) "Proper Names," *Mind, n.s.* 67.266, 166–173.